

ФЕНОМЕН «ЖЕНЩИНЫ ИСЛАМА» В ИСКУССТВЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Недавно в Гостинном Дворе (Москва) прошла большая ярмарка современного искусства Art Russia Fair (19.02.-23.02.2020), в рамках которой французской галереей Gallery 55 Bellechasse[1] были представлены работы иранского художника Нилуфар Банисадр из проекта «Мои путешествия» («My Travels»).

Нилуфар Банисадр «Mona Lisa»

Проект был настолько яркий, смелый и необычный, что пройти мимо было невозможно. Тема ислама в искусстве занимает меня многие годы, еще со времени учебы в институте в период изучения истории религий, а затем в моей деятельности в отделе культуры одного из международных фондов, куда были вхожи лидеры московских диаспор многих регионов бывшего СССР и пограничных с ним государств. Эта деятельность позволила познакомиться с культурой и различными этническими особенностями многих народов не понаслышке, а в приватном открытом общении.

В русле моей профессии (культуролог и искусствовед) мне интересны в современном искусстве национальные черты и особенности интерпретации культурного сегмента в произведениях. Поэтому я обращаю внимание на нестандартность, самобытность, мотивацию к теме и образу и, конечно, что за всем этим стоит, каковы причины, как внешние, так и внутренние.

На стенде Арт Ярмарки Art Russian Fair, где были представлены фотографии Нилуфар Банисадр, я познакомилась с куратором Gallery 55 Bellechasse мадам Селин Майоль, которая любезно предоставила материалы о художнике и рассказала много интересного о творчестве художников галереи. В «копилке» произведений искусства оказалось много работ, собираемых мной на протяжении ряда лет и связанных темой ислама, особый акцент я делала на творчестве художников женщин, имеющих прямое отношение к исламскому миру, которые и стали героями этой статьи. Часть своей жизни они провели в религиозной среде Ближнего Востока, где ислам – государственная религия. Однако политические, экономические, личные обстоятельства вынудили их иммигрировать в страны Европы или Америки, способствовали отказаться от традиции, в том числе религиозной, мотивировали на изучение и визуализацию в искусстве феномена «женщины ислама».

В произведениях, о которых пойдет речь ниже, делается акцент на художественной визуализации социального среза отношений к женщине в исламском обществе, на разрешенных и запретных темах, которые мы европейцы весьма плохо себе представляем. Чтобы понять специфические черты исламского искусства, необходимо, на мой взгляд, научиться сравнивать систему ценностей западной и восточной культур, распознавать культурные коды, характерные для менталитета разных народов. Искренний взгляд мусульманского художника женщины позволяет увидеть особенные грани гендерных отношений, познакомиться с духовной, эстетической и социальной средой женщин в исламе, их интересами, раскрыть многие аспекты культуры, что крайне важно сегодня, когда мир подвержен миграционным потокам.

Речь пойдет о трех замечательных женщинах – две из них иранские художники, а одна наша соотечественница, известная своими смелыми гендерными проектами.

Итак, знакомьтесь – **Нилуфар Банисадр (NiloufarBanisadr)**, Париж, Франция.

Нилуфар Банисадр родилась в 1973 году в Тегеране в светской семье, её прабабушка была француженкой, прадед – иранцем. В настоящее время Нилуфар живет и работает в Париже. Художественный образ, по её мнению, должен соответствовать следующим критериям: быть концептуальным, повествовательным (нарративным), эмоционально-насыщенным, гармоничным, эстетским. Преобладающее направление в творчестве Нилуфар – автопортрет в фотографии. «Мои автопортреты – это моя история, мои чувства, моя энергия и мои культурные противоречия между средой, в которой я выросла, и той средой, в которой я живу в настоящее время, между Востоком и Западом. Необходимость сокрытия моего тела – это мои внутренние конфликты. Я – цензор моего тела, как и в мою бытность в Иране, я по-прежнему живу традиционными представлениями по отношению к себе самой как к восточной женщине. Избавить себя от этого – вот, что для меня очень важно».[2]

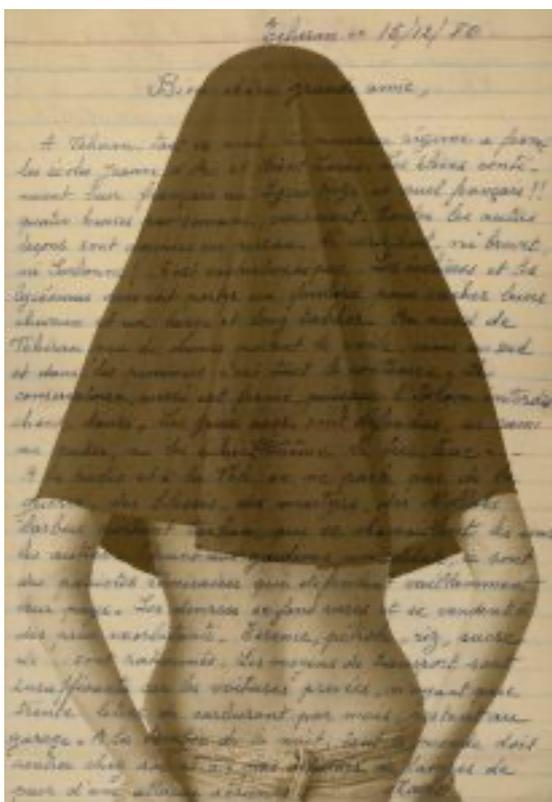
В этом проекте художник концептуально соединяет свой автопортрет, как традиционное изображение женщины в родном социально-культурном пространстве Ирана, и фотографии мест или произведений искусства, которые вдохновляли ее в европейских странствиях. Нилуфар считает, что её работы, вероятно, раскрывают форму парапраксиса (термин З. Фрейда, связанный с бессознательными желаниями и конфликтами), а также демонстрируют экспатированный взгляд на другую чуждую культуру и ценности европейского человека. Попадая в европейские реалии, мусульманин с одной стороны стремится сохранить свою идентичность, а с другой вынужден переживать новое чувство принадлежности уже к другой культуре.

Нилуфар Банисадр, проект «My Travels»

Второй проект Нилуфар «Письма Мадо» – это очень личная история семьи художника, история писем, написанных по-французски её прабабушкой Мадо. Письма писались на протяжении 65 лет и, к

счастью, многие сохранились в архивах семьи и друзей. Мадо в 1930 году вышла замуж за иранского офицера, который служил в Париже, и уехала с ним в Иран навсегда.

Нилуфар Банисадр «lettre de Mado»

Письма Мадо – это реальная невыдуманная история француженки, её эмоциональные впечатления о переезде из Парижа в Тегеран. Она писала о культурном шоке, который испытала, о новых традициях и обычаях, образе жизни мусульман, о её личной истории эмиграции и интеграции. Прошло 70 лет, и её внучка художник испытала то же самое во Франции после эмиграции из Ирана. Ей понадобилось двадцать лет, чтобы открыть для себя «вселенную» прабабушки, испытать подобные переживания, понять её любовь к французской культуре, когда Мадо была иностранкой среди иранцев, принять её независимый характер и образ жизни, что в корне отличается от характера мусульманок. Нилуфар поверила в обожание бабушкой генерала де Голля, поняла её пристрастие к классической музыке Бетховена, восторг перед Эдит Пиаф и Жаком Брелем и многое другое. Одним из утренних ритуалов прабабушки Мадо было пить кофе из великолепной чашки французского сервиза на веранде дома в центре Тегерана, обустроенном на французский манер. И, наконец, огромная любовь к своему «племени»: трое детей, одиннадцать внуков, семнадцать правнуков, привязанность к семье не позволила ей покинуть Иран. Художник в интервью говорит: «Благодаря этим письмам, я

чувствую любовь миниатюрной французской женщины к своей семье. Я глубоко восхищаюсь ею и знаю, что она наблюдает за мной, и надеюсь, что она мною гордится»[3].

Современное искусство или contemporary art с годами всё более подвержено эмпатии, в контексте эмоциональных переживаний личной истории художника, истории рода, истории «женской цивилизации». Проекты Нилуфар Банисадр демонстрируют, как происходит погружение в образ, строятся интеллектуальные и визуальные связи в произведении, автор намеренно вовлекает зрителя в увлекательную, противоречивую и парадоксальную игру, получая опыт самоидентификации своего творчества через личную историю, встраивая её визуально в социальный контекст проблем, обусловленных переселением огромных масс людей. Это именно те проблемы, которые актуальны в наше время миграционных потоков, политических, социальных, экономических и прочих противоречий, возникающих в связи с этим. Темы, которые Нилуфар Банисадр визуализирует, абсолютно вписываются в современные стратегии актуального искусства.

Ширин Нешат – иранский художник, живущая в изгнании в Нью-Йорке, родилась в 1957 году, выросла в Иране, но после окончания школы решила продолжить обучение в США. Пока Ширин училась в США, на её родине разразилась Исламская революция (1979), обернувшаяся для художника изгнанием. Вернувшись в Иран в 1990 году, она не узнала страну. Иран превратился в государство, живущее по законам Шариата, цензура стала важной чертой иранского искусства. Она везде: в скульптуре, живописи, фотографии, театре и кино, а также в ментальности самих иранцев.

Shirin

Neshat

Rebellious

Silence,

1994

B& W RC print & ink (photo taken by Cynthia Preston)

All images are Copyright Shirin Neshat

Courtesy Gladstone Gallery, New York

Для художника важен цвет, именно на него художник обращает внимание. Доминирующим цветом на родине Ширин в Иране стал черный и белый. В её знаменитых и резонансных проектах черно-белый характер фотографий символичен и трагичен одновременно. История изображений в проекте «Женщины Аллаха» стала ненаписанной хроникой закрытой гендерной проблемы в Иране. Фотографии Ширин демонстрируют то, что запрещено показывать и говорить исламской женщине. Она изображает традиционно одетых восточных женщин (позировала сама Нешат), на открытых участках её тела нанесены цитаты на фарси из иранской эротической поэзии. Слайды: 6,7,8: Ширин Нешат. Женщины Аллаха. 1996-1998.

Поскольку художник живет в Нью-Йорке, то и выбирает форму обращения к мировой аудитории, исследует и разрушает стереотипы о жизни женщин в мусульманском мире, вскрывая сильные и серьезные метафизические императивы о природе и функциональности исламского феминизма сегодня. Ее произведения – это приглашение к диалогу и размышлениям, а не призыв к активным действиям, как многие считают, руководствуясь стереотипами.

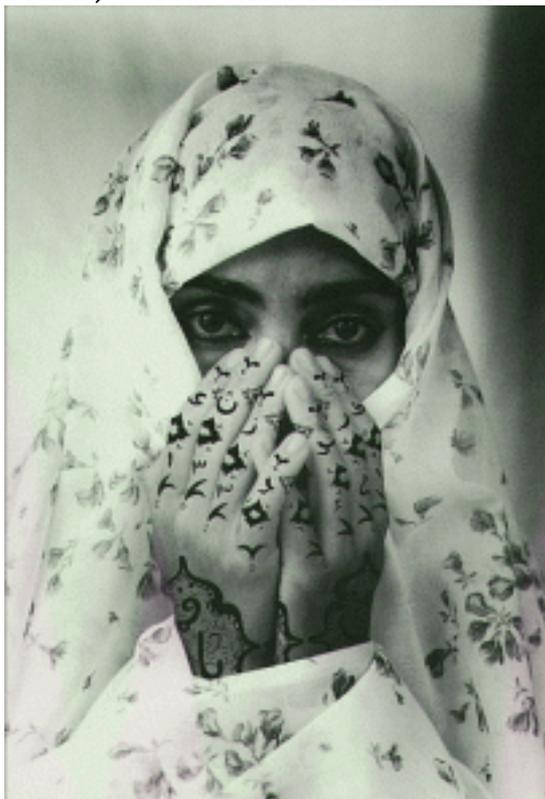
Многие работы Ширин Нешат затрагивают значимые социально-политические аспекты жизни в Иране, но она, прежде всего, художник, а не активистка феминистка. «Существует стереотип, что

все восточные женщины – покорные жертвы, но ведь это не так. Я ниспровергаю это утверждение, как можно более тонко и искренне показывая, насколько они сильны»[4], — говорит автор.

Тексты, нанесенные хной на лицо, руки, локти модели, повествуют о любви, верности, счастье и несчастье, правде и вере, истине и Боге, и относятся к шедеврам мировой исламской поэзии, как суфийской, так и современной. Это стихи Низами, Саади, Руми, знаменитые строки из произведений Форуз Фаррохзад (1935-1967), которую называли Жанной д'Арк современной персидской прозы. Поэтесса не побоялась в метафорической форме передать сексуальные переживания влюбленной женщины, что в странах ислама под запретом. Закодированный метафоричный язык поэзии – суть высказываний другой современной поэтессы из Ирана Гэлэрэ Джамшиди, газели которой в начале её поэтического пути были близки к классической персидской поэзии (Руми, Хафиз, Хайям). Позже темы, которые волновали ее, приближены к форме белого

стиха, что позволило ей высказываться более свободно.

Творчество этих поэтов вдохновило Ширин Нишат на проекты, которые не закончились для нее темой «Женщины Аллаха» (1994), благодаря которой она стала знаменитой. Спустя четыре года 48-я Венецианская биеннале отметила ее работу *Turbulent* и *Rapture*, а в 2009 году она получила «Серебряного льва» на Венецианском кинофестивале за фильм «Женщины без мужчин». К сожалению, из-за её визуальных образов, идущих в разрез с политикой Ирана в области культуры и образования, Ширин по-прежнему персонa нон грата на её родине.

Тема «Женщина в исламе», её чаяния, надежды, психологические и эстетические черты и многое другое волнуют российского художника Айдан Салахову (дочь известного академика Таира Салахова). Она обращается к гендерной теме в своих инсталляциях, скульптуре и картинах,

затрагивая

проблемы

восточных

женщин[5].

В проекте «Destination» (Предназначение) художник и галерист Айдан Салахова впервые продемонстрировала свой творческий дар как скульптор в удивительном по красоте материале — каррарском и бельгийском мраморе. Проект посвящен исследованию мужского и женского начала в исламе и был показан в 2011 году в рамках 54 Венецианского биеннале в павильоне Республики Азербайджан. Но, к сожалению, даже в рамках биеннале в Венеции, её скульптуры подверглись цензуре со стороны Министерства культуры Азербайджана, и демонстрировались под покровом белого холста. Причина принятия подобного решения в том, что произведения Айдан Салаховой «критичны по отношению к исламу, сексуально эксплицитны, или, с другой стороны несли слишком

выражено исламский характер»[6].

Проект визуализирует проблему подавления женщины на протяжении веков, причем речь идет не только об исламе, но и о любой другой патриархальной идеологии. Айдан Салахова демонстрирует эту реальность метафорически, показывая нам драму женщины, вынужденной быть полностью закрытой в социуме, как внешне, так и внутренне. Но вместе с тем, образы художника вызывают сочувствие, но никоим образом не критику или презрение такого образа жизни.

Айдан не призывает этих женщин снять паранджу или хиджаб, каждая мусульманка вправе решать, как ей одеваться. Художник поднимает тему прав и свобод тех женщин в исламе, которые хотят быть свободными от традиционных представлений и взглядов, иметь личную позицию по отношению к тому, какой ей

быть и как жить. Проекты Салаховой всегда нужно рассматривать в целостности экспозиционного пространства выставочного зала, а не отдельными фрагментами, вырванными из контекста. В проекте «Destination» скульптура, изображающая женщину в парандже и открытыми кистями рук, стоит напротив символического Черного Камня (камень яйцевидной формы, вмонтированный в одну из стен Каабы) в Мекке. Это точная копия Черного Камня, который целуют миллионы мусульман, приезжающих в Мекку совершить священный Намаз.

Сегодняшний мир – это мир парадоксов. С одной стороны религия призывает к любви и согласию, единению в молитве, обращенной к Богу, а с другой, прикрываясь цитатами из священных книг, вырванными из контекста, радикальные лидеры призывают к насилию, священным войнам, терроризму. Когда художник пытается привлечь внимание публики к подобным проблемам, порожденным религией, его критикуют, работы запрещают, а сам он становится изгоем на родине.

Суть проблемы оценки радикального художественного творчества в том, что многим критикам и зрителям не хватает фундаментальных знаний, произведения рассматриваются, как правило, с позиции нравится — не нравится, близка тема или нет. Главным же в таких произведениях является метафора в форме визуального мышления, художественный образ, и конечно, качество произведения, профессионализм, эстетическая и этическая составляющие творчества.

Сегодня в мире происходит смена культурной парадигмы, и художники, как и политики, экономисты, аналитики продолжают размышлять о стремительно меняющейся реальности, которая захватывает мир. Это новое измерение – информационное и виртуальное. Ощущение пространственной и временной трансформации становится сегодня определяющим элементом восприятия действительности. Поиск идентичности в этом меняющемся мире мотивирует многих авторов оставаться в художественной традиции сознательно, но интерпретировать её с учетом усиливающихся изменений в геополитике, возникающих локальных войн и напряжения между Западом и Востоком.

Автор текста искусствовед, культуролог Галина Мажейкина

Об авторе: **МАЖЕЙКИНА ГАЛИНА ГЕННАДЬЕВНА**

Куратор художественных проектов, независимый эксперт современного искусства, участник российских и зарубежных биеннале современного искусства, автор более двадцати статей по проблемам актуального искусства в журналах «Искусствознание», «Знание, понимание, умение», «Русское искусство», изданиях Российской Академии художеств, РГГУ и др., в прошлом художественный руководитель московской галереи искусств “Rose Garden”, артдиректор галереи гималайского искусства KHELO.

[1] <http://www.55bellechasse.com/>

[2] Информация из каталога галереи: <http://www.55bellechasse.com/>

[3] Информация с персонального сайта художника:
<http://www.niloufarbanisadr.fr>

[4] Цитата из интервью взята из открытых источников

[5] <http://www.aidans.ru/Raboty/list/6>

[6] Заключение экспертной комиссии Министерства культуры Республики Азербайджан. Информация из открытых источников
